

5069

42204-6

70.

„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

КРИТИКА — БИБЛИОГРАФИЯ
ХРОНИКА.

~~46-8 И.И.~~

8

ПЕТРОГРАД.
1922.

„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

под ред. Виктора Ховина.

№ 8.

СОДЕРЖАНИЕ:

Виктор Ховин. Безответные вопросы.

В. В. Розанов. Странное разделение.

✓ Б. Эйхенбаум. «Методы и подходы».

Виктор Шкловский. Письмо к Роману Якобсону.

Владимир Шкловский. От литературного письма к фельетону.

Виктор Ховин. «Смонтированная» поэтика.

✓ Б. Эйхенбаум. 5—100.

Ю. Ван-Везен. Записки о Западной Литературе.

Лев Лунц. Цех поэтов.

Рецензии Льва Якубинского и Виктора Шкловского.

Библиография.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

Рецензии.

По поводу книги В. М. Жирмунского „Композиция лирических стихотворений“.

Утверждение *многообразия* речевых (языковых) деятельностей есть, несомненно, весьма важное достижение лингвистики; ценное и по существу, и методологически, оно открывает новые горизонты в науке о языке, составляет в ней «эпоху». Начало конца прежней путаницы с употреблением термина *язык (речь)*, положено в первом выпуске «Сборников по теории поэтического языка», где впервые стали говорить о языках практическом и поэтическом, как о разных по существу речевых деятельности, по разному обусловленных как психо-физиологически, так и телеологически. Термины «практический» и «поэтический» (о языке) вошли и в поэтику; московский лингвистический кружок стал особенно выдвигать момент внутреннего телеологизма — «рассмотрение языковых форм с точки зрения их функций» (по словам В. М. Жирмунского; книги Якобсона не читал).

Таким образом, на лицо «прекрасное начало», но, к сожалению, это начало имеет иногда не совсем удачное «продолжение», частью потому, что само

«начало» не совсем распутало ту путаницу, которую хотело распутать, частью потому, что в «продолжении» бывает больше от «конца», чем от «начала».

Обратимся к рецензируемой книге. Мы читаем: «материалом поэзии является *язык*» (стр. 3); «всякий *речевой материал* построен в какой-то последовательности, располагается в определенные ряды. *Характер этого расположения* является различным в зависимости от той задачи, которой расположение определяется... *Словесные массы* служат материалом, который потом подчиняется» и т. д. (стр. 4 сл.; курсив мой).

Выходит так, что существуют какие-то *вообще* «язык», «речевой материал», «словесные массы» (в другом месте еще «словесный материал»), которые в разных функционально случаях по разному *располагаются*, и что различие между речевыми действиями заключается в разном расположении, оформлении какого-то *единого, общего им всем* речевого материала, прибавлю *вполне мифического*, потому что никакого языка *вообще* не существует (это старая путаница, кусочек «конца»), потому что речевой материал в разных случаях *возникает* и притом *по разному и разный*. Нельзя говорить речевой материал, но *поэтический* речевой материал, *разговорный* речевой материал, и основная задача лингвистики выяснить возникновение и описать эти разные «материалы».

Далее хочу сказать несколько слов по поводу термина «практическая речь» («практический язык»), употребляемого и В. М. Жирмунским; термин этот обязан своим происхождением мне, и поэтому я хочу отметить, что в нем безусловно скрыта возможность

путаницы. Дело в том, что под понятие «практической» языковой деятельности, т.-е. такой деятельности, которая является *средством* для достижения посторонней языку жизненной цели, могут подойти виды языковой деятельности, *весьма различные* между собой функционально и, в известной мере, *противоположные* по психологическим особенностям. Приведу пример: речь *разговорная*, т.-е. такая речь, которая социально соответствует повседневным взаимодействиям людей между собой, ее психологическая особенность автоматизм, присущий ей в целом; внимание на речи не сосредоточено; случаем практической же речи является речь *научно-логическая*, служащая расширению знания; здесь роль внимания по отношению к смысловой стороне речи противоположна таковой же при разговорной речи, «смыслом» слова является понятие, идеалом слова—термин. Именно неясностью термина «практический язык» объясняется неясность первого абзаца пятой страницы книги Жирмунского; неточна его характеристика задачи практической речи: сообщить известную мысль как можно более *кратко и ясно* (курсив мой); очевидно, что слова «кратко и ясно» имеют разное значение в зависимости от применения их к языку разговорному или научно-логическому; в частности, вопрос о «ясности» в применении к разговорному языку—очень сложен и не может быть разрешен без особого исследования проблемы восприятия (понимания) речи (разговорной). Таким же, очевидно, недоразумением объясняется заявление, что в практической речи слово является абстрактным (?), алгебраическим знаком для обозначаемого им понятия (? в каком смысле употреблен здесь термин «понятие» ?) (стр. 4).

Можно было бы оспаривать положения Жирмунского о том, что «композиция имеет корни в некоторых свойствах самого речевого материала», что «элемент тематизма присущ всякой человеческой речи, как таковой... Каждое предложение, которым нечто высказывается, есть зародыш развития поэтического сюжета» (стр. 4); это—очень скользкий путь поверхностных и, в сущности, ненужных обобщений, по которому очень легко докатиться и до объяснения поэзии из языка à la потебнианцы или до фосслеровой «крошечной словесной капли какого-нибудь болтуна», которая «в конечном счете проистекает из того же источника, как и бесконечный океан какого-нибудь Гете или Шекспира»; такие объединяющие и обобщающие соглашательские тенденции в конце концов приведут нас к «начальному счету», и мы окажемся в положении святого духа, летающего над хаосом; в «конечном счете» все происходит из «того же» источника. В заключение я хочу коснуться одного очень важного, по моему, вопроса. На стр. 5-ой своей книги В. М. Жирмунский говорит о речи, подчиненной функции убедительности, «эмоционально-волевого воздействия на воспринимающего»; он устанавливает, что приемы этой речи имеют иногда большое сходство с приемами поэтической речи. Я бы сказал больше: в данном ораторском отрывке мы можем найти результаты речевой деятельности с функциональностью эмоционально-волевого воздействия и результаты поэтической речевой деятельности; слово «крокодил» (дырявый сапог, на фронте) есть явление разговорной речи, поскольку новое впечатление потребовало названия, и явление поэтической речи, поскольку оно возникло и суще-

ствовало, как факт своеобразной языковой игры; здесь мы имеем сложность функционального происхождения и сложность восприятия, переживания. Мы сделали бы ошибку, если бы стали изучать композицию ораторских речей, не учитывая сложности (возможной) их происхождения, и наши классификации, связанные с этим, были бы не научны, дурно формальны (формальный метод). То же самое и относительно лирического стихотворения. Мы обязаны сперва выяснить, что в лирическом стихотворении есть явление поэтической речи и что относится к другим речевым деятельности, какой момент преобладает. С этой точки зрения нам, может быть, станет гораздо более ясной разница между «гражданской» лирикой и «чистой», между Фофановым и Надсоном, Некрасовым и Фетом и отдельными стихами отдельных поэтов. Если мы выставляем принцип многообразия речевых деятельностей, то не для того чтобы вводить научный симплизм в изучении тех или иных фактов, а каждый факт считать явлением какойнибудь одной речевой деятельности. Но здесь—непечатый угол работы, здесь очередная задача поэтики; пока же эта задача не решена (и не приступлено к разрешению), необходимо воздержаться,—а после разрешения задачи, вероятно, и отказаться,—от формального анализа и формальных классификаций, так как наши «стыки» и «концовки» могут оказаться весьма различными явлениями и на наших классификационных полочках получится беспорядок. Поэтому я считаю работы, подобные работе В. М. Жирмунского, по заданию безусловно преждевременными и по методу не совсем научными.

Лев Якубинский.